

БИОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-19.kj08-w463

EDN: VJQGYZ

УДК: 316.613

Ч. Э. СЫМОНОВИЧ

(АВТО)БИОГРАФИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОЖАН 1945 ГОДА РОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО АНТРОПОЛОГИИ ЛЕНИНГРАДА — ПЕТЕРБУРГА

В статье представлен аналитический обзор, обобщающий сто (авто)биографических очерков современных жителей Санкт-Петербурга 1945 года рождения, опубликованных в сборнике «Ровесники Победы: истории наших читателей», который был издан ЦГПБ им. В. В. Маяковского в 2020 году. Научная актуальность публикации сборника состоит в значимости первичных личностных автобиографических и биографических материалов как источников сведений не только об обстоятельствах жизни нынешних жителей Санкт-Петербурга, рожденных в 1945 году, но и об их восприятии, переживании этапов своей жизни, о представлении в их сознании ее «смысла». Главная ценность материалов сборника состоит в социальном и культурном, психологическом многообразии, разнохарактерности и представленных в нем воспоминаний, и их авторов. Благодаря этому биографические воспоминания могут быть использованы как исторический источник представителями социальных и гуманитарных наук. При этом в статье подчеркивается характерная тональная заданность, которая проявляется в содержании и форме воспоминаний. Это объясняется тем, что отбор и первичная редакция текстов осуществлялись в районных библиотеках, которые собирали воспоминания горожан.

Ключевые слова: история, город, биография, воспоминания ровесников, послевоенное время, возрастная когорта, жители Санкт-Петербурга, память.

CHESLAV E. SYMONOVICH

**(AUTO)BIOGRAPHIES OF MODERN CITIZENS
BORN IN 1945 AS A SOURCE OF INFORMATION
ON THE SOCIAL ANTHROPOLOGY
OF LENINGRAD — ST. PETERSBURG**

The article provides an analytical and generalizing review of the hundred (auto) biographical sketches of modern residents of St. Petersburg born in 1945, published in the collection “Peers of Victory: stories of our readers” (TSGPB named after V. V. Mayakovsky, 2020). The scientific relevance of the publication lies in the enduring value of primary personal autobiographical and biographical materials as sources of information not only about the circumstances of the life of the current residents of St. Petersburg, born in 1945, but also about their perception, experience of the stages of this life, about the representation in their minds of its “meaning”. The main value of the materials of the collection is in the social and cultural, psychological diversity, diversity of character and the memories presented in it, and their authors. Thanks to this, the collection can be used as a source by representatives of many social sciences and humanities. It should be borne in mind, however, that a certain set of tone, content and forms of memories is characteristic of the collection, because the selection and primary editing was carried out in libraries that collected memories.

Keywords: history, city, biography, memories of war peers, post-war time, age cohort, residents of St. Petersburg, memory.

Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского собрала (г. Санкт-Петербург), отредактировала и выпустила в свет 700-страничный сборник воспоминаний ста жителей Ленинграда — Петербурга, рожденных в год окончания Великой Отечественной войны (Ровесники победы 2020). Работа осуществлялась почти весь 2020 год, от призыва к ровесникам Победы (далее — РП) поделиться воспоминаниями до вручения тем, кто откликнулся и вошел в число авторов, изданной книги.

Успех сборника, ценность его как *популярного источника* сведений о жизненных путях ровесников Победы во многом объясняется тем, что рожденным в 1945 г. было предложено рассказать в свободной форме о детстве, об учебе и работе, о людях, встреченных на жизненном пути, о памятных событиях, о семейной жизни, о кругах общения и, конечно, дружбе. Можно было присылать фотографии и копии редких документов.

При этом мемуарист не должен был, конечно, подтверждать документально или ссылкой факт или явление, которое ему запомнилось. Так, жившая на закрытой для посторонних территории Гостиного двора В. И. Сафонова пишет о разгуле бандитизма после ВОВ «... Чаше всего шайки состояли не из уголовников, а из простых граждан, работников ленинградских предприятий» (с. 473). Некоторые сведения об этом явлении есть в Сети¹, но как было на самом деле, знают только историки ленинградской милиции и вневедомственной охраны (ВОХР).

Ограничением объема сборника объяснялось упоминание организаторов о возможности не расписывать подробно всю жизнь, а остановиться на каком-либо ее этапе, даже одним ярким событием. Часть мемуаристов последовала этому совету. Исключение из правила — лишь 42-страничная публикация отрывков из дневника 2011–2016 годов с описаниями житейских ситуаций, личными впечатлениями, переживаниями политических событий и даже природных явлений (с. 624–668).

Председатель оргкомитета, директор ЦГПБ им. В. В. Маяковского З. В. Чалова призывала описывать *не эпоху, а дать портрет человека на фоне эпохи* (с. 7). Это оказалось труднее всего, ибо авторы воспоминаний не были вершителями чужих судеб, не литераторами, а в основном «простыми советскими людьми». Находясь в народной гуще, мемуаристы воспринимали события и процессы как общие для всей страны (смерть Сталина, полет Гагарина), так и изменившие ход их школьной жизни, их выбор профессии. Авторы воспоминаний, конечно, рассказывают о людях, встреченных в разные периоды жизни. Для меня как историка ровесников Победы особенно интересны характеристики людей, рожденных в 1941–1945 годах (с. 89–90, 100–101, 122, 128–129). Хорошо, когда биографические тексты обходятся без высоких недоказуемых обобщений вроде такого: «Нашему поколению посчастливилось стать свидетелями и участниками грандиозных событий, произошедших в стране и в мире» (с. 470).

Недостаточно надежными на первый взгляд представляются данные о движении населения Ленинграда, взятые из приводимого фото машинописной таблицы без ссылки на официальный источник (с. 470). В частности, о том, что за 1945 год число живорожденных составило

¹ https://pikabu.ru/story/leningrad_46_kakie_bandyi_na_samom_dele_orudovali_v_poslevoennom_gorode_4089877 (дата обращения: 25.04.2021).

43 523 человек. В Сети есть ссылка на статью в академическом издании, где указана численность родившихся в 1945 г. 45,2 тысячи¹.

Оргкомитет издания выражал надежду на то, что мемуаристы и их помощники постараются избегать излишней политизированности и резких оценок исторических событий и личностей. Это пожелание в основном было учтено авторами. Так, мемуаристка, рассказывающая о резне армян в Баку, вероятно, хотела, но не должна была называть это явление геноцидом. И лишь подчеркнула спасительные для ее семьи действия русского офицера, который во главе отряда азербайджанских курсантов помог выбраться из бакинского ада 1989 года (с. 27). Куда приятнее читать описание благостного межнационального мира в воспоминаниях девочки из Батуми: *«В нашем огромном дворе, где жили семьи разных национальностей... все и всё знали друг о друге. Жили шумно, интересно, всегда приходили на помощь в трудную минуту»* (с. 382).

Сравнительно редко встречается в сборнике желчный тон, когда воспоминания — это и сведение политических счетов с *«этой [советской] властью»*. Да, не может равнодушно вспоминать сын эвакуированных блокадников о том, что условием возвращения в Ленинград им поставили отказ от своего жилья, занятого якобы людьми из разрушенных домов (с. 511). Добавлю, кстати, что и мой отец, вернувшись в Ленинград в октябре 1945 года по вызову Государственного Эрмитажа, судился с людьми, занявшими его жилплощадь, и решение было не в его пользу. Нечасты в воспоминаниях о блокаде нелицеприятные, мерзкие образы: *«Все эти наспортистки, оправдомы с бегающими глазами, начальство, обжираловоеся в своем Смольном, вышли из войны весьма благополучными, и тому же обучили свое потомство...»* (с. 511).

Жанр публицистической книги сделал возможными парадные редакторские оценки и воспоминания авторов: *«Какие же славные судьбы у каждого участника, какие светлые воспоминания у большинства из них, несмотря на тяготы... послевоенного времени...»* (с. 7–8). Откликом на это стали несколько воспоминаний только о хорошем, радость любования родным с детства Царским Селом, школой, студенческой жизнью, общественной работой в проектно институте, работой без оглядки на отдых, концентрацией на выполнении задания, праздниками на работе, застольями там же. А в последних строках

¹ *Ваксер А. З.* Население Ленинграда в послевоенные годы (1945–1965) // Россия в XX веке: сборник статей к 70-летию со дня рождения В. А. Шишкина / Ред. В. М. Ковальчук. — М.: Ин-т истории РАН, 2005; Тайны истории. Онлайн-архив. — URL: <https://secrethistory.su/> (дата обращения: 19.03.2023).

отболевшее признание о том, что данную семью тоже некогда не обошло раскулачивание, репрессии, колымские лагеря, *«что не сделало наших старших озлобленными людьми... Все были трудолюбивыми, любили искусство, красоту мира, ценили хороших людей и уважали труд других»* (с. 596).

В напуганности председателя оргкомитета издания говорилось о возможности придавать воспоминаниям художественную форму. Как для историка важно, что немногие авторы вняли этому разрешению. Именно поэтому большинство рассказов о жизни воспринимаются как искренние личностные документы. Встречающиеся все же попытки беллетризовать воспоминания по форме не могу признать удачными. Это так называемые «женские душщипательные» рассказы.

Честнее, надежнее «чистые» воспоминания, без претензий на литературность. Это относится не только к текстам ровесников Победы. О детях ВОВ в воспоминаниях редко упоминали до 1990-х годов, но чем меньше оставалось в живых людей из поколений фронтовиков и работников тыла, тем больше внимания привлекали подростки и дети ВОВ.

Чтобы судить об источниковедческом значении текстов, надо бы сверять опубликованные варианты с оригиналами, но предполагаю, что опубликованы непридуманные истории. Из ста мемуаров лишь в редких случаях встречаются слова о «правильных» послевоенных 10-летиях (с. 614), похвала библиотекарей их добрым знакомым, авторам воспоминаний (с. 694).

О разножанровом, разнохарактерном сборнике оказалось непросто рассказать. Общее для всех авторов очевидно: рождение, как правило, на советской земле в 1945 году, беды и тяготы последних месяцев ВОВ и первых послевоенных лет. Сборник содержит немало описаний судеб младенцев, потом дошкольников, особенностей места проживания (город — деревня), социального и материального уровня родителей и лиц, которые их заменили.

Пытаясь выявить и представить читателю социальное происхождение мемуаристов, я попытался составить таблицу, но сразу понял, что в таблице не будет главной строки — социально-психологического самочувствия ребенка, подростка, того, что ярче всего запоминается, что может определить отношение ко всей последующей жизни. Ведь одно дело, если запомнилось, как из премиального отреза, полученного мамой в колхозе, сшито платье для дочки, и другое — было ли нормальное для психики ребенка чувство защищенности, не столько материальной, сколько духовной (а его в таблицу не впишешь).

Подчеркну, что редактирование текстов шло по единой инструкции, но осуществлялось разными людьми. По-разному сокращали и первоначальный объем текста. Большая часть повествований идет от первого лица, но есть и пересказы родственниками, сотрудниками районных библиотек. Что же касается общего количества текстов, то социологи считают представительным для анализа массив, кажется, не менее 400 текстов, чего в сборнике нет и быть не могло. Качественный же анализ вполне возможен. Я, как историк поколения ровесников Победы, 1945 года рождения, читаю и комментирую представленные тексты по-своему. Исследователи других возрастных когорт, других судеб отнесутся ко многим материалам сборника иначе.

Техническая сложность обобщения материалов сборника в том, что трудно и непродуктивно разносить эпизоды воспоминаний по различным темам и сторонам жизни мемуаристов. Многие факты, явления могут служить материалом для истории и быта, и административного права, и политической атмосферы эпохи. Когда автор одного из воспоминаний пишет об аресте отца и осуждении его на пять лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) за нарушение паспортного режима, то это событие семейного быта. Но это же и штрих к административной характеристике прикрепления граждан к месту жительства, а ведь речь идет не о колхознике, закрепощенном с начала 1930-х годов, но о бывшем фронтовике, служившем в летных частях. За давностью лет, или сознавая неизбежность жесткости послевоенного законодательства, или включив самоцензуру, автор воспоминаний не комментирует смерть отца (с. 389).

При углубленном анализе текстов как исторического источника необходимо привлекать ресурсы Интернета. Так, обращение к одному из порталов о фронтовиках позволяет предположить, что отец одной из мемуаристок — сержант А. И. Меньшиков, который служил на Ставрополе в 1000-м штурмовом авиаполку и награжден за оборону Кавказа¹.

Влияние места рождения и жизни мемуаристов несомненно. Читателю запомнится радостное чувство СВОБОДЫ плавания на лодке навстречу закату, памятное для Нины Казаковой, чей дом стоял на берегу залива в Гавани (с. 256). Не зря она была дочкой военного моряка, старшины 1-й статьи. Живя у Московского вокзала, можно было не знать о наводнениях. А Таню Абрамову в октябре 1955 года отец несет на плечах по полузатопленному Лермонтовскому проспекту (с. 12). Мемуаристка, жившая в детстве на Троицком поле, вспоминает

¹ <http://ava.org.ru/shap.html> (дата обращения: 06.03.2021).

о тогдашних просторах для занятий лыжами. А вот штрихи из области не физической, а социальной географии. В рабочих домиках в Володарском р-не (и других окраинах), где люди знали друг друга, квартиры не запирали, пока не прихлынули из деревень новые, завербованные на заводы «ленинградцы» (с. 386). Н. Л. Здравская в 14 лет переехала вместе с родными из рабочего района в дом рядом с «Пассажем». И сразу оценила различия в социальной среде: «...я быстро привыкла. Это была другая жизнь, не хуже и не лучше, просто другая» (с. 239).

При тщательно организованном единообразии советского общества быт существенно зависел от природной зоны, от этнической среды, от пребывания под оккупацией или нахождения в советском тылу в годы ВОВ. Анна Шуткова пишет, как мать принесла её, новорожденную, после отступления немцев в белорусское село, где «от дома осталась одна яма от погреба... Надеть было нечего... Весной рвали крапиву, щавель собирали и варили суп, пекли из этого лепешки... Соседи помогли построить сарайчик... Вечером жгли лучину...» (с. 190). В. В. Харитонов из рабочей семьи в Нальчике запомнил, что «город был разрушен почти полностью... Наши 10 (саманных) барачков ... были более престижные... чем соседние полуземляные. Туалет и вода — на улице. Зимой в основном питались кукурузной кашей, свеклой, капустой. В феврале мы уходили в горы, где были поляны с черемшой, а затем приходило время разных фруктов и садовых ягод... Алычу я продавал на базаре вместо уроков» (с. 608–609). Ближе к сельскому быту, чем к городскому, был уклад жизни детства и молодости И. И. Чудновской в корпусах для персонала туберкулезной больницы в поселке Разлив, где работала ее мама (с. 673).

В некоторых текстах прослеживается не одно или два места пребывания, а череда городов и городков, по которым служба носила офицеров и их семьи. Отец Н. А. Филипповой строил аэродромы на Западной Украине, в Амурской области, Омске, Новосибирске, в Литве, Ставрополе, на Крайнем Севере (с. 602). В воспоминаниях другой дочери офицера — майора, попавшего в начале 60-х годов под сокращение Вооруженных Сил, читаем, что в большие города разрешали ехать только уволенным в запас «большим чином». Отцу же Л. М. Ключниковой, как и другим бывшим офицерам рангом ниже, разрешено было селиться только в небольших городах, и он с семьей бедствовал сначала в мазанке в станице Кавказской на Кубани, потом в г. Себеже Псковской обл. «Жили мы ... там очень бедно... Продовольствие поставлялось ограниченно... Посылали нас, детей, стоять в очереди. Это бывало на целый день» (с. 279). Вероятно, по контрасту с трудным детством

Л. М. Ключникова высоко оценивает как-то легко преодолеваемые «дефициты времен застоя», радуется праздникам на работе, недорогим путевкам в соцстраны (с. 279–280).

Происхождение мемуариста. Родительская семья, старшие родители

Особое место в биографических рассказах отведено социальному происхождению, родительской семье. О своем происхождении пишут практически все, но формулируя по-разному: «петербурженка в нескольких поколениях» (чья бабушка, однако, из Тверской губернии) (с. 30), «бабушка — смолянка, дед и отец — инженеры-путейцы, другой дед — кузнец» (с. 380), «отец — офицер, мама — учительница, а в Войну — швея, занятая на производстве обмундирования» (с. 388). Первое и главное во многих воспоминаниях — о погибших родных и о том, как эти потери резко изменили судьбы семей и самих авторов воспоминаний (с. 348).

О родителях принято говорить и писать только хорошее, и видимо, этим во многом объясняется не столько следование соответствующей нравственной норме, сколько убеждение авторов в том, что родители и страна дали их поколению все то, что могли. Поэтому малое внимание со стороны матери, самого близкого человека, объяснялось невероятными нагрузками ее на работах ради удовлетворения материальных нужд семьи (с. 626).

Война разрушила одни семьи, но способствовала созданию других. Пожалуй, большинство авторов воспоминаний росли в двух- или трехпоколенных семьях, и не всегда полных. Не менее чем в половине семей были взрослые мужчины, чаще всего бывшие фронтовики. Были и матери-военнослужащие: медики, связисты или, например, занятые обслуживанием приборов в артиллерии (с. 344). Бывало, что второй, послевоенный, брак матери становился причиной того, что ребенок от первого брака переходил на воспитание к бабушке, деду (с. 390, 597) или даже отправлялся в интернат.

Особо следует подчеркнуть социальную роль дедушек и бабушек, например, в передаче внукам стремления избрать творческую профессию (с. 589). Сила или робость духа авторов воспоминаний проявляется в их выдержке, в отсутствии гневных выкриков по отношению даже к сталинизму, поставившему под вопрос свободу и жизнь родственников, обвиненных по «ленинградскому делу», делу врачей-вредителей, буржуазных космополитов, преклонявшихся перед границей (с. 195).

Самоописания

Внешность: ни хвалиться своей внешностью, ни сетовать на ее недостатки не принято, но сделанные вскользь штрихи в воспоминаниях мы встречаем: «Я же [в 5-м классе не нравилась] никому (некрасивая была и очень идейная)» (с. 634).

Одежда, обувь... «Помню себя с трех лет... В коричневом пальтишке с черным бархатным воротничком (бабушка сшила из своего рабочего платья)» (с. 380). Некоторые детали одежды и обуви остались памятны ровесникам Победы навсегда. Более или менее острые, тяжкие переживания по поводу неполноценности своего внешнего «оформления» накапливались по мере вступления в средний и тем более старший школьный возраст. Громадной вехой становилась первая влюбленность в классе в пятом-шестом и страстное желание выглядеть хотя бы не хуже других в глазах любимого человека.

Состояние здоровья: тема сложная для воспоминаний и потому для многих нежелательная. К 75 годам болезней у мемуаристов было немало, но упоминают о них редко, только чтобы объяснить какое-то важное обстоятельство биографии. Так, Елену Никитину (большую двухмесячную) спас в конце января 1946 года ее дядя, доставив к врачу во время страшных морозов, укрыв ее своей шинелью и грея теплом своего тела (с. 388).

Характер: нет ли противоречия во фразах о себе и о родном доме Галины Юрьевой:

«По жизни я была очень маленькая и тихая. Папа понукал, коммуналка, пороли меня часто. У меня свой ремень был... Закомплексована была...» Естественно, что из родительского дома, от физических методов воспитания Галина бежала после окончания художественного училища на работу по распределению в Кыштым, как оказалось — в зону радиации... *«Через год мама узнала. Ну, опять поколотили меня...»* (с. 693).

В поисках причин строгости родителей возвращаемся к словам о них, но и они почти ничего не проясняют: *«Папа всю блокаду работал, а маму в конце 42-го с детским домом по Ладоге увезли, а потом она в 44-м вернулась, позже они поженились, и я потихонечку появилась»*. Вот разве что деталь «...с детским домом» наводит на мысль о том, что маме Галины, работавшей в военном детском доме, было не до сантиментов и в обращении со своей дочуркой.

Не будучи специалистом в области возрастной психологии, не проводя собственный глубинный опрос, трудно оценивать ответы о раннем

дошкольном детстве мемуаристов. Вряд ли что-то они помнят сами до достижения 3-летнего возраста и, наверное, в основном пересказывают узнанное ими от взрослых или напомненное детскими фото.

Семейный, домашний, коммунальный, дворовый быт, игры

Естественно, что домашний и ближайший соседский быт представляет главное содержание воспоминаний о дошкольном этапе жизни. О коммунальных квартирах, гражданских и в военных городках вспоминает большинство авторов. Причем речь большей частью не о скандалах и пьяных драках, но о дружной соседской взаимопомощи, совместных празднованиях, о выступлениях детей с «концертами» перед соседями. Редкостью является рассказ о личном хозяйстве в семье заводского рабочего Феофана Борисова в городке Гурьеве. Всей большой семьей вели это хозяйство — держали скот и птицу, брали обрат на молокозаводе, сами сбивали масло (с. 229). Немало написано об очередях за мукой, другими продуктами, о нормах отпуска в одни руки, о нападениях на детей, отоваривавших карточки. О запираемых на ночь дворах-колодцах, заставленных поленищами дров, о плитах мощения тротуаров и булыжной мостовой, о вражде мальчишек «двор на двор», о радостных праздниках и субботниках по уборке, о бродячих точильщиках, музыкантах, которым бросали мелочь из окон, о молочницах из пригородов, ходивших по квартирам с бидонами (с. 699–700).

Незабываем в воспоминаниях и метраж комнаты, количество родных, теснившихся на 10–20 кв. метрах. В те годы тесно жило большинство, после огромных потерь жилого фонда в период ВОВ. Г. В. Ефремова помнит старшего брата, заболевшего в их подвальной сырой комнате бронхиальной астмой и рано умершего (с. 220). Если в семье был мужчина, возможный исход из коммунального быта заключался в строительстве в пригороде своего дома, отчасти на ссуду, предоставляемую государством (строительными материалами могло помочь предприятие). В сельской местности нередки были и самовольные порубки, преследуемые по закону.

Галя Ч. запомнила прогулку в возрасте 4-х лет с отцом в Мартышкино, его болезнь и смерть (*«День похорон папы. Я подхожу к разным людям и спрашиваю: „А вы будете плакать?“ С мамой мы ни разу не были ни в музее, ни в театре. ...Работать маме приходилось и ночами... Я ложусь спать, а она стучит костяшками на счётах... Уроки проверить у меня ей было некогда, поговорить — тем более»*) (с. 629).

И это чисто самостоятельное воспоминание. Иное дело, когда девочка, которой был один год, «вспоминает», как семья заготавливала дрова на зиму 1946/47 года: «...Добывали их где-то в районе Царскосельского железнодорожного моста у Обводного канала, после чего тащили на санках по бульжникам, так как снег еще не выпал...» (с. 389). Понятно, что в основе таких воспоминаний лежат рассказы родственников.

Памятны для людей всех возрастов взрослые и детские игры, не только развлекавшие, отвлекавшие от нужды и неурядиц, но и готовившие к взрослой жизни. Семейные и соседские компании просиживали, играя в дурака, простого и подкидного, в «акулину», в «пьяницу», в «козла», в «кинга». Наряду с картами в ходу была игра в лото (с. 31). Большое распространение имели познавательные игры с киданием кубика с цифрами на гранях и определением количества ходов каждого играющего по полю с изображениями дорог, путей с подвохами и возможными скачками вперед. Встречаем и такое описание развлечения взрослых: «*На работе у бабушки сотрудницы катали меня на перевернутых счётах по паркету*». Л. Б. Кулаковой запомнилось, как они с мамой напрасно простояли целый день за куклой-пупсом в очереди в универмаге «Пассаж» (с. 325). Но никакой предмет игр не мог сравниться с гордой радостью играть в то, что было сделано руками родного человека: «...*Папа смастерил мне первую игрушку — машину... с красным крестом... С этой машиной весь двор играл, возили в ней своих кукол, которых нас научили делать бабушки из тряпочек...*» (с. 380). Думаю, не только Галина Костенко до сих пор помнит, что лежало в ее ящичке для игрушек (с. 311). Просто не все об этом написали. В моем, например, лежит до сих пор клык моржонка, пряслице из отцовского археологического раскопа, два свинцовых раскрашенных танка с отломанными стволами пушек и что-то еще забытое и труднодоступное на дне сундука.

Образование, события школьных времен

Очевидно, что более основательны и надежны воспоминания о школьных годах, особенно о врезавшихся в память бедах, трудностях, радостях, об учителях, о школьном быте. На первое место ставлю русскую послевоенную «экзотику» в воспоминаниях Анатолия Петрова. Он ходил в сельские школы сначала за два, потом за шесть километров от дома, с обрезом винтовки от волков, владея оружием начиная с 7 лет (!). Это было не в далекой тайге, а под Ропшей, ибо оружия было в земле много. На чердаке у него хранилось еще четыре единицы огнестрельного оружия, в том числе пулемет-пистолет Дегтярева. В их

начальной школе, как водится, учитель вел занятия сразу в четырех классах. Анатолий окончил семилетку, а после строительного училища стал плотником, потом освоил еще несколько строительных специальностей. Это тоже была учеба, только не школьная, не вузовская. Был крепким, спортивным; учила и армия: три года в войсках ПВО. Важной нравственной школой он считает великую русскую литературу начиная с детских слез о «Бульке» Льва Толстого. Переходя от школьного раздела в раздел «про политику», считаю необходимым подчеркнуть, что Анатолий Васильевич гордится и сталинским периодом, и всей советской историей. Ему страшно смотреть на умирающее, по его мнению, отечество (с. 419). В этом плане он отступил от рекомендаций оргкомитета, и, к чести последнего, его строки вошли в публикацию.

Но вернемся к теме «образование». Т. В. Абрамова упоминает свою «девичью» ивановскую школу, основанную в 1833 году благотворителем Степаном Григорьевичем Ивановым. В издании «Энциклопедия Санкт-Петербурга» в статье А. В. Кобака и В. В. Антонова раскрывается славная история этой школы, не раз преобразованной, расширенной и другими попечителями, и общественными организациями¹, и это объясняет несколько наивные слова мемуаристки о хранении традиций школы (*помнится, в первой половине 50-х гг. парами чинно ходили на переменах не только в этой школе Ленинграда...*). Тепло Татьяна Васильевна пишет об отце-фронтовике, демобилизованном в 1953 году, но приводимых ею данных недостаточно хотя бы для краткого рассказа о его боевом пути (с. 9–10).

Благодаря Сети находим деталь биографии отца Тамары Захаровны Азаровой. Она упомянула о его награде — ордене Красной Звезды (с. 16). Возможно, это был отмеченный в электронном ресурсе «1418» старший краснофлотец Захар Сергеевич Азаров, 1910 года рождения, уроженец с. Таболо Епифанского р-на Тульской области...² (в районе собраны сведения не только по истории сел, но и о содержании метрических книг).

Неожиданно «добрую» службу сослужил Ибрагиму Гисматулину подростковый школьный шовинизм. Если бы его не били за то, что он татарин, то не дрался бы и он, и не попал бы в лагерь для перевоспитываемых, не прошел бы там школу подводного плавания и не стал бы на долгие годы водолазом-спасателем (с. 132). Весьма любопытная

¹ Церковь Равноапостольной Марии Магдалины при Ивановском девичьем училище. — URL: <http://encspb.ru/object/2804676746?dv=2853952566&lc=ru> (дата обращения: 28.02.2021).

² <https://1418museum.ru/heroes/32527817> (дата обращения: 28.02.2021).

деталь о школе 60-х годов упоминается А. Ф. Титовым: в ходе тогдашних преобразований всего и вся «стали приходить лекторы и, разделив класс на мальчиков и девочек, рассказывать о [половой?] жизни. ... Мы наконец узнали, что как называется» (с. 560). Интернет подтверждает: «В 60-х годах западные страны охватила сексуальная революция. ... Появились уроки на эту тему и в школах многих капиталистических стран. В СССР... также решили заняться секспросветом, и в школах появился знаменитый курс „Основы советской семьи и семейного воспитания“. ...Сексуальные отношения на уроках „Основ“ не упоминали... В 1965 году курс изъяли из школьной программы из-за его неэффективности»³.

Достаточно серьезен вопрос: в какую часть обзора поместить упоминания или рассказы мемуаристов о влюбленностях, о любви, об «отношениях», связанных с любовью и не связанных. О вступлении в фактические и юридические браки. С последними достаточно ясно, ибо в воспоминаниях мемуаристок с высшим образованием эти события помещаются примерно между первыми курсами вузов и их окончанием, но о влюбленностях упоминалось, естественно, гораздо раньше, начиная если не с пребывания в детском саду, то во всяком случае в школе. Не удивлен сообщению Г. М. Костенко: «...В третьем классе мы переехали в другой район. ...я прощались во дворе со своими друзьями. ...Витя Ефремов поцеловал меня в щеку и сказал: „...Прошу, приезжай еще“. ...А я еще подумала: он что, может, влюбился?» (с. 312).

Труд в жизни мемуаристов

Нет необходимости доказывать определяющую роль общественно-полезного труда в жизни советских мемуаристов и их родителей, особенно в годы восстановления и развития народного хозяйства, и позже — в «дозастойные» времена. Потерявшая миллионы воинов и тружеников страна не имела возможности создавать тепличные условия для семей с детьми, в том числе из неполных семей. Не удивляют воспоминания, например, Е. А. Никитиной, что мама и бабушка, которые работали, вынуждены были оставлять ее дома на попечении 9-летней соседской девочки (с. 321).

Светлана Багдасарян, росшая в большой армянской семье в Баку, работала с 1957 года (с 12 лет). В парикмахерской за 100 отпаренных

³ <https://bigpicture.ru/seksualnoe-obrazovanie-v-sssr-i-rossii-ot-stalinskoj-pedologii-dopapinyh-zhurnalov> (дата обращения: 04.05.2021).

и выглаженных пеленок ее кормили и давали немного денег. Так она заработала для семьи на стиральную машину «Ока» (с. 26)¹. Люба Бутковская стала в 13 лет полноправной колхозницей — работала в поле и при коровах, без денежной оплаты, за натуроплату зерном; работала также на своем участке, пока уехавшая в город мать не сумела вывезти ее и сестер из сельскохозяйственного артельного «рая» (с. 54).

Тамара Федорова начала работать в колхозе еще раньше — боронила, возила копны и т. д. (с. 585). К 1970-м годам выучилась на медсестру и работала, пока не повела ее Советская власть по общественной линии — профсоюзной, затем административной, потребовавшей высшего юридического образования. Ко второй половине 2000-х годов Тамара Ивановна Туркина (урожденная Федорова) была уже деятельным представителем муниципального самоуправления в своем поселке. Впрочем, такой вариант завершения трудовой истории не так часто упоминается в данном сборнике.

С 14 лет работала санитаркой в стоматологии и Л. Ю. Взорова, ибо мать зарабатывала мало (с. 59). После 8-часового рабочего дня иной раз она засыпала на уроке в вечерней школе. Видимо, в заводской поликлинике не соблюдали положение о сокращенном рабочем дне для подростков. Так, у меня на фабрике с 1959 года мастер прямо-таки отгонял меня от станка после шести часов работы, пока мне не исполнилось 18 лет. Для не имевших по возрасту паспорта работа по закону не могла длиться дольше 4-х часов.

Петр Цимох вспоминает о сборе колосков на колхозных полях, о заготовке шишек и сдаче их за деньги в лесхоз, чтобы чем-то помочь матери (с. 617), ибо в 13 тыс. колхозов распределение денег и продуктов по труду отсутствовало в первые послевоенные годы (с. 617). На предприятиях и в учреждениях настоятельно предлагали подписываться на государственные займы. Это был фактический налог, наряду с подоходным и с налогом на бездетных и малосемейных граждан².

В противоположность бытующему мнению о неготовности школ и предприятий к профессиональному образованию старшеклассников с 1959 года было введено важное для социализации молодых овладение рабочими профессиями: *«Четыре дня мы учились ... а два дня у нас*

¹ Круглые активаторные стиральные машины «Ока» с загрузкой 2–4 кг сухого белья и ручным отжимом производил завод им. Свердлова с 1956 г. — URL: <https://fb.ru/article/290075/stiralnyie-mashinyi-oka-opisanie-i-osobennosti> (дата обращения: 28.02.2021).

² *Васькин А.* Как советские люди получали зарплату облигациями. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f3149b60d8f01499c086ba1/kak-sovetskie-liudi-poluchali-zarplatu-obligaciiami-5fd794011c5dc11652b23763> (дата обращения: 28.02.2021).

было производственное обучение на электроламповом заводе... Вместе с аттестатом зрелости я получила, — пишет Татьяна Абрамова, — свидетельство о присвоении специальности» (с. 12, 315, 636, 679). Вероятно, прием на работу несовершеннолетних был практически во многих отраслях и местах вынужденным, ибо к рабочему возрасту ребята лишь приближались. Немало их, стремясь скорее начать работать, уходили из «детских» школ в школы рабочей и колхозной молодежи, вечерние и сменные школы.

Большую и, наверно, недооцененную роль в эти годы играла система среднего специального образования. Многие участники рецензируемого сборника получали специальность после 7-го класса именно в техникумах и училищах, в том числе военных. Это позволяло быстрее встать на ноги, помогать старшим, устраивать свою взрослую жизнь и, прежде всего, семейную.

Большинство участников сборника — женщины, и потому их первое слово не о карьерах, а о доме, о родных и во все периоды жизни. Среди женщин — авторов этого сборника больше таких, которые сохраняли специальность и место работы десятилетиями, за исключением лишь провальных 90-х годов, выбивших некоторых из колеи в рынок или на пенсию, но даже об этом они пишут, не давая волю гневу. Так, 50 лет проработала в библиотеках И. И. Чудновская (с. 679). У других повороты «карьеры» в связи с катастрофой страны 1991–1993 годов бывали огромные и болезненные, ибо ровесникам Победы было по 46–48 лет.

К. М. Казаков из разработчика оборудования для стыковки космических кораблей превратился в организатора «предприятия» по выпуску музыкальных звонков (с. 254). Не самый причудливый поворот — превращение инженера-химика в соучредительницу салона красоты с мини-кафе при ней (с. 186). Да и я в то время уходил на восемь лет с мизерной зарплаты историка в рабочие на военную стройку, и последние 15 лет работаю рабочим-ремонтником в больнице (с. 542).

Важнейшим фактором формирования трудовой биографии был выбор занятия, профобразования, специальности, места работы, но этот выбор был возможен не всегда. Изначально многое решала судьба, определившая место рождения и заданность трудового пути. В этом плане нормальным, правильным ходом жизни считаю для данного сборника жизненный путь орденоносной доярки и общественного деятеля Ставрополя Марии Михайловны Скрипник (с. 507).

Для одних мемуаристов важными факторами были собственные представления о желательном занятии, для других главным становился размер трудового дохода. Естественно, вмешивались подчас резко

и родные, в первую очередь родители, в более зрелом возрасте — брачный партнер. Так было у Людмилы Кадыш (урожд. Немцовой), в свое время самого молодого мастера спорта по гимнастике, кандидата в олимпийскую сборную СССР 1964 года (с. 249). К чести Выборгской библиотеки им. Лихачева, памяти Л. В. Кадыш был посвящен вечер 30 октября 2019 года¹, а в сборнике о ее жизни рассказал сын.

Влияние родителей, любивших свою профессию, не требовало длительного принуждения, особенно если речь не шла о многолетних занятиях музыкой, которые далеко не сразу давали ребенку творческую радость. Поэтому естественным в семье творческих работников был выбор подростком профессии художника, притом что дома царил музыка. И напротив, уходя от опасности светить отраженным светом, Андрей Юрьевич Толубеев не сразу следует за своим великим отцом — актером драмы, окончив Военно-медицинскую академию (с. 362).

Ближе к периоду застоя, когда люди постепенно расслабились, изменилось и отношение к работе, во всяком случае у части 25–30-летних. Вряд ли это относилось к рабочим-сдельщикам, но к офисным сотрудникам в НИИ и КБ — в полной мере. *«И чего-то мы там (техники и младшие научные сотрудники) считали... чертили, ездили в командировки... На самом деле... дурью маялись. Большие болтали, смеялись... отмечали дни рождения, праздновали разные события... вязали... И так работали многие коллективы НИИ и КБ... Советского Союза. ...Но тогда люди думали: так и должно быть... Главное — все вместе...»* (с. 638). Это высказывание при внимательном рассмотрении выводит на основополагающую для общества взаимосвязь экономики, политики и общественной нравственности. Что тут первично? Думаю, политика.

Если бы правители времен застоя не боялись «огорчать» трудящихся своей страны, радовать врагов, то сведения о действительном положении в хозяйстве были бы правдивы, не победны, и это дало бы какую-то встряску хотя бы части граждан, не равнодушных к судьбам социализма и своим. Но статсборники с 1980-х годов «худели», значения темпов роста становились всё лукавее... И даже на те тревожные тирады, что раздавались с Пленумов ЦК КПСС, люди не обращали внимания. То есть не только несовершенство экономического строя задерживало рост, но и замалчивание этого несовершенства. Здание политической системы постепенно тонуло в зыбучем песке экономических потерь.

¹ <http://www.vybnews.ru> (дата обращения: 18.03.2021).

Не говоря уже о непосильном грузе гонки перевооружений, помощи зарубежным «друзьям и союзникам».

В основном эту сторону жизни воспоминания обходят. Многие мои ровесники до сих пор не могут или не хотят понять, что их относительное благополучие в 1970–1980-е годы имело источником проедание «основного капитала» системы, накопленного природой (нефть) и трудом предшественников, отказывавших себе во всем. Но если в это не углубляться, то нормально воспринимаются положительные оценки существования в годы застоя. Так, в коммунальной квартире одной из мемуаристок *«всегда делились всем... Никакого расслоения не было... На 10 рублей можно было прожить ... неделю... У меня как конструктора... в 30 лет оклад с прогрессивкой составлял 150 рублей... Этот период жизни был насыщен культурными событиями...»* (с. 392–393).

Авторами сборника оказались рядовые (в смысле карьеры) советские люди, патриоты не только своей России, но и Союза Советов. Намек на диссидентство, исповедуемое по отношению к советскому строю или нынешнему, смутно проступает лишь в двух-трех текстах (например, на с. 394). Так было не потому, что большинство советских людей средних и старших поколений глядели только в свои тарелки, кошельки и на экраны ТВ, а потому, что легче было верить массовой агитации, чем рискнуть работой, семьей и личной свободой ради некоей «свободы» для всех.

То, что мы, ровесники войны, непременно изучали в вузах, не зря называлось не «Экономикс», не «Экономической теорией», а «Политэкономией социализма», и именно она призвана была обосновать наш экономический оптимизм, веру в победу нашей системы в мирном соревновании с Западом. Ослабление этой веры ровесников Победы в 1980-е годы недостаточно отражено в их воспоминаниях, как и объективная обусловленность перестройки, ее неудачи и обвал в 90-е годы. Возможно, это потому, что о плохом, неприятном писать не так интересно и желанно, как о светлом подростковом этапе жизни, о юной свежести на этапе обновления, в период «оттепели».

Из отдельных политических сюжетов, затронутых в воспоминаниях, назову примету либерализации общества после XX партсъезда в тексте И. И. Чудновской: учительница истории 434-й школы поселка Разлив И. И. Фирфарова позволяла ученикам старших классов на уроках *«высказывать свое... мнение по теме, которую проходили, спорить»* (с. 679). Другой эпизод политической микроистории — удивительный для нас, советских людей, помнящих 10–15-летние очереди на

улучшение жилищных условий: получение отдельной квартиры мемуаристкой после ее жалобы в ЦК КПСС (возможно, сыграла роль работа М. Н. Пампушкиной на строительстве БАМа) (с. 400).

В воспоминаниях мужчин встречается довольно подробное описание их срочной или кадровой службы в Вооруженных Силах. Не часто встретишь в жизнеописаниях городских мужчин горделивое подчеркивание добровольного вступления в ряды Вооруженных Сил (с. 233). Законом 1 сентября 1939 года такое для мирного времени не предусматривалось, но в данном случае речь идет о сыне погибшего фронтовика, о человеке, который с юности ориентировался на профессиональную военную карьеру, Герое России, командире атомной подводной лодки.

Достоин упоминания описанный церемониал принятия новобранцами присяги на верность стране, сопровождавшийся 30-километровым маршем от расположения части до мемориала «Разорванное кольцо» на Дороге жизни: *«Кому было идти обратно тяжело, тех подвозили до части санитарные машины...»* (с. 618).

В жизни политика, экономика и культура переплетены, как известно, что подтверждается и биографией нашего ровесника, свернувшего с технической стези на комсоровскую, затем на профсоюзную не ради борьбы за материальные интересы и права коллег, а для обогащения их досуга культмассовыми мероприятиями. У тех, от кого зависело продвижение данного профкульторга к руководству домом культуры, клубами, представление его к почетному званию, не было сомнений, ибо он говорил и делал все правильно. Так же он писал и в данном сборнике: *«На поведении послевоенных детей, БЕЗУСЛОВНО, сказывалась атмосфера того времени: особый патриотизм, гордость за Победу над страшным врагом, уверенность в том, что жизнь будет налаживаться»* (с. 459). Кажется, что автор приведенных выпренных строк жил среди каких-то особых, газетных и киноперсонажей, либо он намеренно подпускает розового тумана. Сегодняшним противникам прославленных советских послевоенных времен не интересны мнения ровесников Победы, практически *«вышедших в тираж»*.

Иное дело, когда оценки в воспоминаниях даны не ради «проходимости» текста в печать, не ради соответствия духу времени, явно отдающему предпочтение не ужасным, а героическим страницам внутренней отечественной истории, а как последний поклон прожитому, пусть не всегда ровно и радостно, зато временами счастливо в прекрасном и яростном советском мире. Таковы тексты Е. С. Петровой и многих других, которыми определяется главное настроение сборника. Как это

настроение формировалось, имело ли значение для этого идеологическое обеспечение, культурное строительство, эмоциональная атмосфера в советском обществе, какой временной этап был определяющим для культурного формирования когорты ровесников Победы?

Отражение в воспоминаниях духовности, культурной атмосферы, важнейших явлений литературы и искусства

Для второго десятилетия XXI века в России на удивление мало упоминаний мемуаристов о роли религии в их жизни. Разве что о крещении в начале 1990-х годов, когда немалая часть наших ровесников пришла если не к Богу, то в церковь, не очень понимая, какой это неимоверный душевный труд, груз. Какая великая ответственность перед собой, ближними и дальними — стремление следовать ветхозаветным правилам жизни и тем более христианским заповедям блаженства (с. 17).

Многие авторы сборника вспоминают о юности и молодости, оптимистично обрамленной или наполненной советскими песнями 60–70-х годов, о широком формате киноэкрана. Это было время уже не той ранней бедности и тесноты, когда в семье в 6-метровой комнатке было лишь две детские книжки — П. Бажова и Б. Житкова, и хорошо, если эти авторы понятны не только ребенку, но интересны и взрослому (с. 492). Один из самых близких для моей привязанности к книгам — рассказ Б. А. Ларионова о его работе на благо библиотек нашего города начиная со школьной скамьи, столь распространенной на рубеже 50–60-х годов (с. 330).

Немногие из авторов сборника заняты профессионально художественным творчеством. Среди них — композитор-песенник, художник, авторы стихов и прозы, о которых упоминалось в начале статьи. Как рядовой читатель и зритель, повторяю, что романы, стихи, песни, картины мемуаристов — это, как правило, лишь факты из их биографии, но не явления городского масштаба, не говоря уже о российском. Единственным исключением представляются стихи В. Н. Семеновой, ибо они единственные без претензий на широкое признание, без вселенских поз, бесхитростные и потому трогательные (с. 489–491).

По-настоящему интересен для историка культуры текст стилиаги, «лабуха» Славы Гладковского, вольного музыканта, колесившего с вокально-инструментальным ансамблем по малым городам страны и улаждавшего слух любителей западных шлягеров исполнением «на языке оригинала», заученном в русской транскрипции (с. 155).

С другой стороны, удивительно упоминание Г. В. Ефремовой о хороводах «стенка на стенку», водимых в ее детстве не в кондовой деревне, а во дворах возле Политехнического института: *«А мы просо сеяли, сеяли, ой, дид-ладо, сеяли, сеяли...»* (с. 223). Но чему удивляться, если население Ленинграда после блокады обновилось больше чем наполовину за счет приезжих, в том числе и бежавших всеми правдами и неправдами из разоренных войной колхозов, добываемых налогами, госпоставками, натуроплатой услуг МТС, дорожной повинностью, лесозаготовками, торфоразработками и др. На другом полюсе — пиршества интеллекта, французский язык, ставший профессией, и творческие взлеты подростков в литературном клубе «Дерзание» во Дворце пионеров им. А. А. Жданова (с. 289).

При всей возможной на государственно-партийном уровне унификации, выравнивании условий формирования советских людей послевоенного образца сохранялись и воспроизводились различия между огромными социальными группами и слоями, и это не могло быть иначе даже в сталинские времена, а тем более в условиях «вегетарианского» (не людоедского) социализма после осуждения отца советских народов.

Окончательные оценки мемуаристами себя и жизни, прожитой в основном в той стране, которой больше нет

Е. С. Петрова подробно пишет о счастливом детстве в сыром полу-подвале, который лишь через тридцать лет был признан непригодным для жилья. В детском саду булка пахла плесенью, рыбий жир лили прямо в суп. В день получки — пир: студень и булка с повидлом. Счастье, когда Елене доставалась вода из-под консервированного горошка и масло из-под рыбных консервов. Радость — это перелицовка бабушкиного пальто, флакон тетиных духов, абажур, пасхальные яства, чтение вечером вслух, театр у микрофона... *«Я очень горжусь своей бабушкой и всей семьей. Папа не жил с нами... но я всегда, до последнего его дня получала посылки с подарками... Он был очень любящим отцом»* (с. 427–430).

Нам, пока еще живым ровесникам Победы, куда важнее воспоминания о собственных ошибках и даже о плохих, мягко говоря, поступках. Я писал эти строки *«во дни печальные Великого поста»* 2021 года, глядя на страницу 189 сборника «Ровесники Победы», на которой автор

воспоминаний, Ольга, просит прощения у своей бывшей учительницы литературы, которая *«не вписалась в струю оттепели, читала свои старые, устаревшие конспекты»*. Ольга и другие 17-летние не знали в 1962 году, что стоит за этой отсталостью старой учительницы, какие беды, ужасы и страхи ВОВ, какие потери и запугивания (с. 189). Интересующихся судьбой учительницы Аси Львовны Гольдиной Ольга адресует к «Подстрочнику» Лилианы Лунгиной. Так намечается еще одно звено в цепочке воспоминаний¹.

Почти в каждом рассказе о жизни — не горечь, не страх, не ненависть, не стыд «за бесцельно прожитые годы», а умиротворенность, более-менее искреннее признание естественности для человека переживания «жизни ради жизни». Таков текст Галины Голубевой, дочки офицера: *мама, дочка и сын снимают комнату 12 метров. Чтобы выйти в туалет, надо выйти в сени, на двор, подняться на пригорок, и там большая дыра... Во дворе — воля, игры... Детсад отпугнул дисциплиной. В соляном парке продавались пирожки, семечки, там было колесо обозрения, играл оркестр... Запомнились кинофильмы для детей. И все это в вологодской деревне Дуброво было, — по ее сегодняшним словам, — *праздником каждый день»* (с. 166). Еще одним характерным для сборника примером обобщения итогов своей жизни видятся последние строки воспоминаний Л. М. Ключниковой: *«Об этом времени (90-х годах) вспоминать не хочется... Мы выстояли, выдержали. ... Была моя жизнь трудной? Конечно. Но это моя жизнь... Она одна, и неповторима»* (с. 281).*

Дописывал текст 9 мая 2021 года, и считаю своим долгом вспомнить слова В. Н. Катюхина, который как о родных написал о тех, кто пал 6 мая 1945 года в г. Оломоуце в Моравии, о тех двух с половиной миллионах советских воинов, которые покоятся в более чем четырех тысячах воинских мемориалах по всей Европе, и о тех, кто все реже и меньше ценит свой долг памяти перед спасшими их от нацизма (с. 274).

Таким образом, главная ценность материалов сборника воспоминаний состоит в социальном и культурном, психологическом многообразии, разнохарактерности представленных в нем судеб. Благодаря этому биографические воспоминания могут быть использованы как исторический источник представителями социальных и гуманитарных наук.

¹ <http://www.famhist.ru/famhist/lungina/00017c7e.htm> (дата обращения: 22.03.2021).

Источники

Ровесники Победы: истории наших читателей: сборник / Сост. Е. О. Левина, Ж. Н. Малахова; гл. ред. Е. Г. Ахти. — СПб.: ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2020.

References

Rovesniki Pobedy: istorii nashikh chitateley: sbornik [Peers of victory: stories of our readers: collection]. Comp. by E. O. Levin, J. N. Malakhov; Ed.-in-chief E. G. Ahti. St. Petersburg, Vladimir Mayakovsky Central City Public Library, 2020.

Сымонович Чеслав Эрастович, кандидат исторических наук,
Союз ученых Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.
cheslavs@yandex.ru

Symonovich, Cheslav E., PhD, Union of scientists, St. Petersburg, Russia.
cheslavs@yandex.ru